

**«СХЕМА» И «СИМВОЛ»:
НА ПУТИ К НЕ-ДИСКУРСИВНОЙ КОНЦЕПЦИИ
МЫШЛЕНИЯ**

А.А. Попов, И.Д. Проскуровская

Георгий Петрович Щедровицкий и Мераб Константинович Мамардашвили, бесспорно, являются яркими фигурами российской философии второй половины XX в. Благодаря этим мыслителям в Советском Союзе возникли независимые гуманитарные школы. Оба состоялись как ученые и прожили почти всю жизнь при тоталитарном режиме, обоим довелось застать и времена перестройки. Творчество обоих, имея в виду антропологический план, можно метафорически охарактеризовать как «философию свободы».

Трудно не заметить те расхождения между Г.П. Щедровицким и М.К. Мамардашвили, которые касаются предельных объяснительных категорий: в случае Мамардашвили это «состояния сознания», «языковые и символические формы», в случае Щедровицкого – «знание» и «деятельность» как структурная и процессуальная характеристики. Известные расхождения имеются в исследовательских программах, в условиях жизни и социальных установках этих мыслителей. Тем не менее и Щедровицкий, и Мамардашвили полагали онтологию конструктивно, как предельную форму мыслимого и практики, а в этом случае онтология задает и особый антропологический концепт – «практическую антропологию», и особую логику формирования семейства категориальных понятий, схватывающих современную специфику антропологического. Антропологию в рамках западно-европейской мыслительной традиции вообще невозможно рассматривать вне онтологического поля. Концепт практической антропологии представляет человека как «возможность», потенциал самоосуществления; именно в контексте практической антропологии возникает теория самоопределения.

Компаративный анализ наследия Г.П. Щедровицкого и М.К. Мамардашвили рассматривается нами как ключевой шаг в построении

сферы практической антропологии как современной теории и практики самоопределения. Если деятельность является процессуальной стороной актов самоопределения, то феноменологическая линия характеризует состояния субъектов самоопределения. Если «ключевым вопросом философской и педагогической антропологии в рамках СМД-подхода оказывается вопрос о методах и техниках освобождения от деятельности» (П.Г. Щедровицкий), то феноменология фиксирует «пространство свободы», откуда совершается самоопределение.

Характеристика организации не-дискурсивного мышления

В этой части построения компаративной версии мы намерены ввести систему координат для сопоставления понятий схемы у Г.П. Щедровицкого и символа у М.К. Мамардашвили. Мы делаем это за счет полагания схематического и символического представлений не-дискурсивного мышления. Для этого нами выделены три фокуса, которые можно рассматривать как характеристики организации не-дискурсивного мышления:

- *пространственность/топологичность* как характеристика онтологической организации;
- *формативность* как характеристика организации единицы целостности;
- *произвольность* как характеристика коммуникативной организации.

На наш взгляд, именно эти «точки» являлись для обоих мыслителей точками переинтерпретации классической (дискурсивной) трактовки мышления. Одновременно они могут быть взяты за основания сопоставления «схемы» и «символа» как знаковых форм существования единицы («кванта») не-дискурсивного мышления.

«Пространственность» как характеристика организации не-дискурсивного мышления

Дискурсивная парадигма мышления преодолевается Г.П. Щедровицким и М.К. Мамардашвили за счет введения и развертывания пространственной (или топологической) трактовки мышления/сознания.

У Щедровицкого это реализуется посредством представления мышления как мыследеятельности, а у Мамардашвили – посредством трактовки сознания как сферы сознания. В этом смысле «схему» у Щедровицкого можно рассматривать как знаковую форму пространственной интерпретации организации мышления как деятельности, а «символ» у Мамардашвили – как знаковую форму пространственной интерпретации организации сознания как сферы сознания.

У Г.П. Щедровицкого в качестве онтологической целостности по отношению к описанию явлений, связанных с мышлением и деятельностью, выступает схема мыследеятельности. В методологии онтологизация осуществляется в рамках проблематизации, а потому крайне важен вопрос о статусе проблемы. Проблема должна иметь, с одной стороны, культурно-историческое значение, а с другой стороны, она должна иметь личное, индивидуальное начало, допускать интериоризацию. Проблема является единицей целостности, вводя «план нашего личного, индивидуального действия и план социокультурной истории» [1]. Проблемная целостность носит как социокультурный, так и исторический характер, соединяя современность с историческим движением и логикой (вписывая ее в них). Целостность исторического процесса можно представить как смену формаций мыследеятельности, а проблематизация выступает как онтологическая процедура, определяющая план и организацию социокультурных действий. Щедровицкий связывал проблематизацию с особой стратегией – *стратегией социокультурного действия* (в отличие от «натуралистической стратегии», «стратегии следования за лидером», «стратегии самовыражения», «стратегии схимника») [2].

Говоря о принципе множественности знания и объектов мысли, Щедровицкий подчеркивал, что организация пространства мыследеятельности необычна для научных исследований. Пространственная организация мышления предполагает «постоянное оперирование не с одним знанием, и не с одной схемой объекта, а сразу с несколькими знаниями и с несколькими схемами объектов, которые определенным образом размещаются в пространстве мыследеятельности, в какие-то моменты разделяются и противопоставляются друг другу, в какие-то моменты объявляются несопоставимыми, – обычно говорят, что они находятся в ортогональных плоскостях пространства мышления, какие-то моменты затем соотносятся и связываются друг с другом, сначала благодаря актам мыследействования, а затем с помощью схем и знаний» [3].

М.К. Мамардашвили, развивая идею метатеории явлений сознания, называет мысль «когитальным местом», говоря о том, что она имеет «место» в мире. Классический постулат, согласно которому «мысль не простирается, тело не мыслит», сохраняет для Мамардашвили свою силу только в отношении одной части: «тело не мыслит». У Канта, как известно, пространство наряду со временем рассматривается как априорная форма чувственности. Однако Мамардашвили считает возможным анализировать в терминах пространственности и временности не только созерцание, но и собственно сознание: «Если бы мы... предположили, что у предмета есть свое время или свое пространство, то мы должны были бы предположить и сознание...» [4].

Мамардашвили полагает, что сознанию присуща своеобразная топология, «пространственная» протянутость в мир. Он вводит представление о сфере сознания, состоянии сознания и структуре сознания, которые являются не внутренними характеристиками сознания, а структурированным полем связности сознания и мира. Сфера сознания описывается им в терминах точек интенсивности, структурирующих внутреннюю расположенность сознания. Стремясь избежать характерной для классической философии и сохранившейся еще в феноменологии оппозиции «субъект – объект», «внутреннее – внешнее», Мамардашвили вместо «интенционального» сознания вводит «полевое» сознание, в котором предметность держится точками интенсивностей этого поля, доопределяющего предметный мир, но неразрешимого на нем. Место феномена сознания у него занимает «сфера сознания», которая не может «разрешаться» на отдельном предмете. Если же проинтерпретировать состояние сознания в терминах интенциональности, то «сфера сознания» – это как бы одновременная многонаправленность на разные предметы, которые к тому же не являются независимыми по отношению к состояниям сознания. Именно эта «паучья» (по собственному выражению Мамардашвили) простертость в мир сразу во многих отношениях, как бы вобравшая в себя множество индивидуальных предметов, позволяет преодолеть ограниченность классического принципа разделения субстанций.

В частности, тему пространственности мысли Мамардашвили обсуждает через идею конгениальности, позволяющей «попадать в мысль», уже мыслившуюся когда-то кем-то, например Платоном, Декартом, Кантом. Он объясняет это тем, что сознание обладает подобием силового поля: «...Эта связность первична по отношению к ее

возможным кристаллизациям. Последние оказываются предметными просто в силу... определенного сгущения названного мной поля» [5].

В книге «Символ и сознание» М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский пишут о том, что структура сознания представляется им чисто «пространственной». Не в том смысле, что сознание существует «в» пространстве, но «в том, что само это сознание (как структура сознания) есть определенное пространственное расположение относительно самого себя. Сама структура сознания есть определенная пространственная конфигурация. Сама по себе она есть некоторое пространство» [6].

Согласно Мамардашвили, первичность пространственности мысли по отношению к ее предметности состоит в том, что простое логическое связывание понятий может не быть мыслью, а представлять собой всего лишь ее имитацию. Кроме того, «предметность» мысли вторична по отношению к «фигуре» мысли, которая в отличие от предмета является совершенным воплощением мысли. Именно совершенная фигура «держит» предметность, а не наоборот. Фигуру Мамардашвили понимает как пространственность, не отделяющую сознание от мира, а наоборот, являющуюся связыванием, включением сознания во внешний мир. Вместе с тем, для того чтобы фигура стала фигурой определенного смысла, в точки интенсивности обязательно должен быть «затянут» предмет, поскольку существование таких структур, как «фигура» не может быть эксплицировано до тех пор, пока не произошла фиксация на предмете. Подобную фиксацию на предмете Мамардашвили называет «метафизическим апостериори», поскольку, с одной стороны, она происходит в результате «вложения в мир», а с другой – такое замыкание есть предпосылка дальнейших возможностей сознания. Сама же пространственность, фигурность, расположенность сознания по отношению к себе самому описывается Мамардашвили как настоящее априори. В этом моменте он переосмысляет трансцендентализм в контексте неклассической рациональности: вместо «пустого пространства» он вводит «фактично структурированное поле возможностей сознания».

«Формативность» как характеристика организации не-дискурсивного мышления

Формативность как характеристика организации не-дискурсивного мышления представляет собой неклассический способ удержания

целостности мышления. Это управленческая интерпретация мира, «конечное преобразование», взгляд на мир как искусственный. И схема у Г.П. Щедровицкого, и символ у М.К. Мамардашвили всегда появляются из ситуативного смысла (контекста). Более того, именно он фиксируется как в схеме, так и в символе.

Представление о ситуации у Г.П. Щедровицкого включено в общую схему программирования, исследования и разработок. Реконструкция ситуации рефлексивно поглощает и тематизацию, и целеобразование, так что «с точки зрения мышления последние можно даже рассматривать как частичные моменты и стороны процесса реконструкции ситуации» [7]. При реконструкции ситуации возрастает значение мыслительного компонента сравнительно с компонентами понимания и рефлексии. Именно анализ ситуации приводит к схематическому, т.е. принципиальному, изображению и фиксации. Щедровицкий выделяет анализ ситуации как особую мыслительную работу, которая предполагает использование специальных системно-структурных средств, методов и техник. При этом он отмечает, что ситуация может имитироваться игровым образом, а игровая мыследеятельность – экспериментально исследоваться как имитационная модель ситуации. По существу, практики организационно-деятельностной игры (ОДИ) являются механизмами программирования комплексных исследований и разработок и создания проблемных ситуаций. С позиции деятельностного подхода, смена реальности связана с перефункционализацией, т.е. появлением новых схем-средств по организации новых, не нормированных ситуаций.

М.К. Мамардашвили, обсуждая «поле» сознания, указывает, что существуют принципиальные ограничения на возможности что-либо помыслить, поскольку «поле» имеет структуру. Причем такая структурность является не предметностью, а необратимостью в структурных возможностях сознания. Таким образом, мысль фактична и событийна. Принципиальная ограниченность классической рациональности, согласно Мамардашвили, состоит в том, что для нее событие мысли не является реальностью – в качестве реальности рассматривается только содержание мысли. Для Мамардашвили выполнение мысли изменяет реальность, а событие (событие мысли) необратимо доопределяет мир. Речь идет о том, что метафизические структуры, состояния и проч., не зависящие от пространства и времени, всегда исполняются

только в случайных обстоятельствах, только постольку, поскольку мы в них попадаем. Мамардашвили иллюстрирует это примером игры в шахматы, когда в поле игры, определенном не только формальными правилами, но и искусством игроков, фигуры приобретают силу, связанную не с их абстрактными значениями, а с ситуацией, когда, скажем, пешка может приобрести решающее значение, а расположение фигур – силу судьбы.

Мир есть совокупность событий (как того, что только и имеет место, случается). Событие у М.К. Мамардашвили имеет онтологический статус: он различает, с одной стороны, мир смыслов-событий, а с другой – псевдонатуральный мир вещей и людей с их «свойствами», качествами, способностями как мир распавшихся и забытых событий. Вещи, по его мнению, определяются не свойствами, а возможностями входить «в положение вещей» как виртуальные события, или «факты». Понятие события как смысловой единицы представляет собой своеобразный топологический центр, и если метафизическое априори случайно и может трансформироваться от случая к случаю, то форма, т.е. событие, необратима.

«Произвольность» как характеристика организации не-дискурсивного мышления

Пространство коммуникации было формирующей средой для практикования не-дискурсивного мышления и Г.П. Щедровицким, и М.К. Мамардашвили. И тот, и другой осуществляли в коммуникации мыслительный акт и передачу результатов мыслительной работы. В этом смысле для обоих мыслителей пространство коммуникации выступало организующим и управляющим по отношению ко всем другим процессам. Но если в работах Щедровицкого прямо разворачивается представление об организации и организованностях мыследеятельности, то у Мамардашвили эта тема чаще звучит метафорически: коммуникация как источник свободной (или произвольной) вариации, операции сознания.

В традиции Московского методологического кружка (ММК) принято выделять так называемый организационно-деятельностный подход (с 1971–1972 гг.). Согласно содержательно-генетической логике ММК, «схватывание» научного предмета требует специальной работы по конструированию, поскольку содержательно-генетическая

логика исходит не из натуральной данности «вещей», а из организованностей мышления.

Г.П. Щедровицкий указывал, что научный предмет строится на основе целого ряда эпистемологических единиц, в том числе: 1) «фактов» как единиц эмпирического материала; 2) «средств выражения»; 3) методик, фиксирующих процедуры исследовательской работы; 4) онтологических схем, позволяющих изучить идеальную действительность; 5) моделей, репрезентирующих частичные объекты исследования; 6) знаний, объединяемых в систему теории; 7) проблем; 8) задач исследования. Конечно, только достаточно развитая теория может удерживать все эти блоки. Тем не менее необходимо сразу задавать полное системное представление исследуемого и конструируемого объекта, и если на данный момент мы не можем развернуть все эпистемологические единицы, то мы должны, как минимум, пометить их места.

Между этими блоками выстраиваются специфические связи/отношения и иерархия, организующая системные представления. В частности, между блоками системного представления объекта существуют отношения рефлексивного отображения, что очень важно учитывать в процессах интерпретации различных смыслов и контекстов. «Средства для распутывания этих отношений и связей дает анализ процедур и механизмов научно-исследовательской деятельности. В зависимости от того, какой процесс мы выделяем, блок-система и стоящий за ней предмет выступают либо в виде искусственно преобразуемого объекта, либо в виде “машины”, перерабатывающей некоторый материал» [8]. Позволим себе следующую интерпретацию: в случае, когда «стоящий за ней предмет» есть конструируемый социокультурный объект, в процессе рефлексивных отображений мы начинаем «улавливать» (получать) уже не описания (теоретические понятия), а форматы практической организации социокультурного объекта.

На наш взгляд, ключевыми техниками практического мышления, относящимися к решению проблемы единиц организации практического мышления (практических понятий), являются также принципы позиционного анализа и мышления по схеме многих знаний. Появление социокультурного объекта возможно лишь через осуществление рефлексивных процедур (реконструкции/деконструкции), что, в свою очередь, требует наличия рефлексивной позиции у конструирующего, т.е. позиции, укрепляющей его, включающей его в ту или иную деятельность

и в процессы организации знания. При конструировании знания следует удерживать схему организации знания как «четвероякое содержание»: объект, действия-операции, знаки/языки и понятия [9]. Таким образом, представления о социокультурном объекте должны быть сконструированы так, чтобы при необходимости они были способны развернуться в эти четыре типа содержания.

В качестве гипотезы можно высказать тезис о том, что социокультурные объекты выступают в качестве чистых модельных форм – онтологических схем. Онтологические схемы суть «своеобразный конфигуратор, связывающий разные предметные области в новую область знания, это средство, позволяющее транслировать, модифицируя, знания из одной области в другую. В принципе, схемы нужны до тех пор, пока в этих новых областях не осуществляется рефлексия и не создаются новые специфические понятия» [10].

Социокультурный объект возникает как определенная схема, обеспечивающая, в том числе, и так называемое продуктивное социокультурное действие. Примечательно в этом отношении наследие Мишеля Фуко, где описаны культурно-исторические закономерности построения подобного рода схем.

С позиции мыследеятельностной методологии, происхождение социокультурного объекта обосновано также принципом схемы двойного знания, когда задаются пространство изображения объекта и особое пространство для самого объекта как возможного. Здесь и появляется пространство онтологических схем. Антропологичность же этого пространства возникает за счет целеполагающего характера: «объект есть всегда выдвинутая вперед цель, к которой мы идем» [11].

Разработка понятия организованности приводит к введению понятия «организация» как представления о социотехнической схеме и социотехническом отношении. Г.П. Щедровицкий отмечал, что понятие социотехнического отношения очень важно и фиксирует «деятельность над деятельностью». Таким образом, определялись уровни организации. В качестве следующего шага были введены понятие об организационной деятельности, или деятельности по организации, и в представления об иерархии деятельности. Это дало возможность решить проблему соотношения понимания, рефлексии, мышления и деятельности через процессы коммуникации.

В управленческом языке социокультурное действие можно рассматривать как результат определенного конструирования реаль-

ности, как результат определенной организации [12]. При этом следует учитывать, что организационно-управленческое действие не есть только «практическое преобразование, хотя оно втягивает в себя и практическое воздействие» [13]. Организация как технология мышления выступает базовым процессом конструирования реальности, смены, изменения, задавания рамок, горизонтов, представлений и возможностей. Организация процессов мыследеятельности определяет стратегическое видение, задает новые масштабы и, соответственно, цели, средства, инструменты деятельности.

Материалом социокультурного действия являются те или иные формы общественного сознания и самосознания. Отсюда три направления социокультурных (практических) действий (для методологии):

- образование как разработка новых систем знаний и понятий;
- окультуривание как смена структур организации сознания;
- самоопределение как смена структур социальной организации

[14].

Прототипом организации социокультурного действия является организационно-деятельностная игра, представления о которой сформировались в рамках СМД-методологии [15]. Форма ОДИ напрямую коррелирует с обозначенными выше требованиями к организации практического действия. Вхождение человека в пространство «проблем», «рамок», «горизонтов» принципиально невозможно в предметной среде, поскольку для освоения этих базовых категорий и отношений необходима организация коммуникации и понимания в ситуациях комплексного, междисциплинарного, практического действия.

Приведем несколько важных, на наш взгляд, замечаний, которые делает М.К. Мамардашвили о сознании как управляющей «надстройке» над спонтанными (или естественными) процессами: «На уровне воспроизведения запомненный факт является фактом сознания, поскольку сознающий субъект может эксплицировать при этом факт запоминания. Факт свершения события, о котором идет речь, факт запоминания и факт воспоминания – это факты, относящиеся к психическому процессу памяти. Но когда они выступают на уровне их корреляции, в каком-то едином потоке, то они уже не могут рассматриваться объектно. И тогда это уже дает нам право говорить о сознании» [16].

М.К. Мамардашвили ставит задачу истолкования символа как «оператора» сознания. Он говорит, что знание можно рассматривать как

устройство для извлечения информации из знаковых систем. Пока мы просто «знаем», мы не можем довести извлечение информации до знания о нас, о сознании. Извлечение информации о самих себе было бы переходом к определенной структуре сознания – к пониманию. Если знаки потенциально содержат максимально возможную информацию, то они безразличны по отношению к сознанию. Более того, в их функционировании в качестве знаков им присуща тенденция «антисознания», поскольку оперирование знаком не предполагает восстановления того способа извлечения информации из знаковых систем, при котором знаковые системы имеют смысл и реально функционируют. Чтобы оперировать знаком, достаточно оперировать «предметностью» этого знака, отвлекаясь от способа видения знаковых систем со стороны сознания. Но в рамках любого сознательного опыта само сознание «выше», чем содержание, составляющее опыт сознания, а потому нет другого способа говорить о более высоком порядке, кроме как говорить о нем косвенно, символически. Поэтому символ, по М.К. Мамардашвили, это знак ничего, пустоты, «вместилища». Мамардашвили трактует это следующим образом: возможны такие состояния сознания, когда оперирование может происходить иным образом, и возможны «заходы» в другие структуры сознания, например туда, где нет знаков.

Соположение схемы и символа

Итак, «схема» и «символ» – это не две разные «вещи» мира, а два разных способа (и результата) интерпретации и организации мира. Схема и символ суть единицы («клетки», «кванты») организации не-дискурсивного мышления. Согласно нашей версии, символ есть единица организации не-дискурсивного мышления, раскрываемая у М.К. Мамардашвили через понятия «сфера», «событие» и «вариация». Схема же рассматривается и используется Г.П. Щедровицким в контексте пространственной организации мыследеятельности, в контексте понятий «ситуация» и «организация».

Требования к схеме и символу как единицам организации не-дискурсивного мышления заключается в том, что они должны одновременно схватывать

- тип пространственной организации;
- тип организации целостности;
- тип организации коммуникации.

Сегодня вопрос о конкурентных возможностях онтологий решается в ходе выбора между «онтологией сознания» и «онтологией мыследеятельности». Вопрос не в том, какая из них «правильнее» или «современнее», а в том, какая из них сможет вместить, употребить результаты и наработки другой. Практическая сила любой онтологии, ее большая разрешающая способность во многом заключается в том, насколько развито ее «периферическое зрение», насколько обустроена зона понимания, открывающая чувствительность к «иному». Процессы понимания здесь могут рассматриваться как базовые, поскольку вопрос употребления одной онтологии другою – это вопрос понимания, а не мышления.

Концепты «символа» и «схемы» как знаковых форм могут быть соположены только в рамках понимания, поскольку они являются ядрами разных онтологем и общее поле, на котором их можно сравнивать, – это поле понимания.

В этой связи следует вспомнить, что, согласно Г.П. Щедровицкому, ММК отрицает проблему сознания в ее традиционной декартовской постановке и предлагает рассматривать место и функцию сознания внутри деятельности, коммуникации, мышления. Проблема сознания, с точки зрения Щедровицкого, должна обсуждаться на основе деятельностных схем в двух аспектах: по отношению к процессам рефлексии и по отношению к процессам понимания.

Очень важна ситуация, в которой Г.П. Щедровицкий начинает обсуждать схематизацию и символизацию. Он делает это, вводя схему движения от объекта к замещающим его формам (знаковым формам) и обратного движения – от замещающих форм к объекту. Особый интерес представляет то, что эту схему Щедровицкий вводит, указывая на движение от деятельности-коммуникации к речи-языку. Он отмечает, что здесь происходит два типа движения, подчиняющихся различным логико-эпистемологическим законам: «В движении от деятельности-коммуникации к речи-языку происходит как бы расклеивание и разделение. В обратном движении происходит расклеивание или разделение, но оно уже... должно характеризоваться таким понятием, как организация. Это, следовательно, есть некоторое искусственное и в некотором смысле культурно-историческое явление» [17].

В этой связи Г.П. Щедровицкий ставит вопрос о схематизации и символизации как о различных стратегиях организации мира. Символическую организацию мира он сознательно упоминал рядом со

схематизирующей: «Когда я говорю о схемах и символах вот так вместе, я совсем не хочу их объединить, соединить, сказать, что это похожие, сходные, близкие вещи. Наоборот, я здесь скорее ставлю одно в оппозиции к другому. Я говорю, что, наверное, нам надо обсуждать схематизацию как совершенно особую интеллектуальную функцию, причем, чем больше над ней задумываешься, тем более сложной она кажется» [18]. И далее Щедровицкий отмечает, что схематизация является основанием мышления, тем, из чего «мышление растет. В этом смысле не словесная речь есть источник мышления, а вполне может быть, что мышление развивается в антитезе к речи и языку именно на функции схематизации, на функции представления» [19]. Символическое же, пишет Щедровицкий, «есть функция указания на сложные знаковые структуры, свернутые и сокращенные, фактически, сигналы. С моей точки зрения, символы – это сложное знаковое образование, свернутое до общественного сигнала. Оно указывает на самого себя развернуто, то есть на то, что за этим стоит, на знаковые структуры и процессы, которые стоят за этим. А схематическая функция или схематизирующая организация предполагает, наоборот, дискурс» [18].

Использование схем и символов как единиц не-дискурсивного мышления может стать ключевой техникой в процессах организации новых практик, поскольку полионтологичность есть важная черта практик в отличие от концептов. Насколько осмысленно и возможно, например, ставить практическую задачу деятельности организации события (конструирования события как события деятельности)? И наоборот – задачу событийной организации деятельности (проектирования деятельности как деятельности по конструированию событий)?

Практическая антропология есть практика создания, оформления и организации событий, являющих собой идеальные формы откровения, способные быть переведенными в антропологический статус. Событие носит идеальный характер. Согласно Делезу, «только события идеальны. Пересмотр платонизма означает прежде всего и главным образом замену сущностей на события...». В рамках же деятельностной трактовки эта идеальность может быть приписана «событию способа действия» (Б.Д. Эльконин), действие может быть проинтерпретировано как событие деятельности (О.И. Генисаретский), а решение – как событие мыследеятельности. Антропологический ход такого развертывания заключается в том, что «события» начинают рас-

смаатриваться в «действительности деятельности и мыследеятельности», а типология этих действительностей начинает задавать антропологический ряд понятий.

Событие является экзистенциальной и одновременно категориальной формой проживания и мыследействия (О.И. Генисаретский). Оно является формой динамичной, представляющей различные формы мыслимости, воображения и проживания. В этом смысле «событийная логика», событийность есть динамическая характеристика антропологического развития, своеобразная «топология пути» (М.К. Мамардашвили). Событийность в антропологическом ключе превращается в индивидуальную историю, в своеобразную цепь событий и логику их выделения и интерпретации. Событийность не естественна, она всегда предзадана, предугадывается, а в деятельностном ключе – организуется с учетом возможностей зоны реагирования («зоны ближайшего развития»), зоны актуальностей и возможностей человека.

Представление о единице целостности практического мышления необходимо нам для того, чтобы показать, как практическое понятие может быть развернуто в антропологическом событии. Это означает, что единица целостности должна быть настолько емкой, чтобы вместить все типы содержаний в одном хронотопе и при этом отвечать требованию соорганизации этих содержаний, являясь своеобразным гарантом целостности. Единица целостности как бы скрепляет категориально-технологические структуры «бытия» и структурирует, конституирует социокультурную среду, управляет реальностью жизнедеятельности людей, включенных в антропологическое событие.

Разработка практической антропологии предполагает пространство для конструирования гуманитарно-методологических понятий нового поколения. В связи с этим тема соотношения схематизации и символизации через характеристики не-дискурсивного мышления становится крайне актуальной.

Примечания

1. Щедровицкий Г.П. Методология и наука: Доклад в Институте истории естествознания и техники АН СССР. 22.06.73 // Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. – М., 1997. – С. 306.

2. Щедровицкий Г.П. Схема мыследеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М., 1995. – С. 294–354.

3. Щедровицкий Г.П. Программирование научных исследований и разработок // Из архива Г.П. Щедровицкого. – М., 1999. – Т. 1. – С. 74–76.
4. Мамардашвили М.К. Кантианские вариации. – М., 1997. – С. 224–226.
5. Мамардашвили М.К. Идея преемственности и философская традиция // Историко-философский ежегодник, 89. – М., 1989. – С. 286.
6. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. – М., 1997. – С. 68–70.
7. Щедровицкий Г.П. Программирование научных исследований и разработок // Из архива Г.П. Щедровицкого. – М., 1999. – Т. 1. – С. 256.
8. Щедровицкий Г.П. Историко-научные исследования и логическое представление науки // Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. – С. 276.
9. Щедровицкий Г.П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология: Курс лекций // Из архива Г.П. Щедровицкого. – М., 2000. – Т. 4. – С. 300–301.
10. Розин В.М. Онтологические, направляющие и организационные схематизмы мышления // Кентавр. Методологический и игротехнический альманах. – 1998. – Вып. 20. – С. 31.
11. Щедровицкий Г.П. Оргуправленческое мышление... – С. 305.
12. См.: Там же. – С. 109.
13. Там же. – С. 110.
14. См.: Там же. – С. 69.
15. См.: Попов С.В. Организационно-деятельностные игры: мышление в зоне риска // Кентавр. – 1994. – Вып. 3.
16. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание...
17. Щедровицкий Г.П. Оргуправленческое мышление... – С. 314.
18. Там же.
19. Щедровицкий Г.П. Эпистемологические структуры онтологизации, объективации, реализации: Доклад на семинаре 8.05.1980 года // Вопросы методологии. – 1996. – № 3–4. – С. 132–133.
20. Там же. – С. 140.

Томский государственный
педагогический университет,
г. Томск

Popov, A.A. and I.D. Proskurovskaya. "Scheme" and "symbol": on the way to non-discursive conception of thinking

The paper deals with comparative analysis of knowledge methodologies developed by M.K. Mamardashvily and G.P. Shchedrovitsky. The authors studied processes of symbolization and schematization of knowledge systems in works of these philosophers. The so called non-discursive conception of thinking developed in this or that way by Mamardashvily and Shchedrovitsky was taken as the object of research related to both of them. Three points are marked out which may be treated as characteristics of organization of non-discursive thinking: (1) spatiality as the characteristic of ontological organization, (2) formativeness as the characteristic of integrity unit organization, and (3) randomness as the characteristic of communicative organization.